

Е.Г. Новикова, д.ф.н.
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
г. Томск, Россия

Образ Сибири в контексте кругосветных путешествий русских писателей второй половины XIX века: «чужое» и «свое»

Аннотация: Статья посвящена образу Сибири в корпусах текстов И.А. Гончарова и А.П. Чехова, написанных на материале их кругосветных путешествий. В центре исследования — книга Гончарова «Фрегат “Паллада”» и очерки Чехова «Из Сибири». Впервые гончаровский и чеховский образы Сибири рассматриваются и сравниваются между собой как сформированные контекстом кругосветных путешествий писателей, что позволяет показать место и значение Сибири в мировом и российском пространстве с точки зрения Гончарова и Чехова. Доказывается, что Гончаров воспринимал Сибирь как «чужое» по отношению к России пространство, а Чехов — как «свое».

The author researches the image of Siberia in I. A. Goncharov and A. P. Chekhov's texts written on the material of their round-the-world journeys. Goncharov's book «Frigate “Pallada”» and Chekhov's sketches «From Siberia» are in the centre of the research. For the first time Goncharov's and Chekhov's images of Siberia are considered and compared with each other like images formed by the context of writers' round-the-world journeys. This allows demonstrating Siberia's place and importance in Russia and in the world from the Goncharov's and Chekhov's point of view. It is proved that Goncharov considers Siberia as a «foreign» space in regard to Russia and Chekhov as his «own».

Ключевые слова: И. А. Гончаров, А.П. Чехов, «Фрегат “Паллада”», «Из Сибири», травелог, «свое», «чужое».

Ivan Goncharov, Anton Chekhov, «Frigate “Pallada”» («Fregat “Pallada”»), «From Siberia» («Из Сибири»), the Image of Siberia, Travelogue, “Foreign” Space, “Mine Own” Space.

УДК: 82-992.

середине — второй половине XIX в. два великих русских писателя предприняли кругосветные путешествия, впечатления от которых отразили в специально посвящённых им корпусах текстов.

И.А. Гончаров в течение 1852-1855 гг. принимал участие в дипломатической миссии адмирала Е.В. Путятина в Японию, целью которой было установление торговых и дипломатических отношений России с этой страной. В составе миссии Гончаров путешествует на фрегате «Паллада» по следующему маршруту: Англия — Атлантический океан — Африка — Индийский океан — Азия — Тихий океан — Япония — Дальний Восток — Сибирь. Известным результатом этого путешествия писателя стала его книга «Фрегат “Паллада”» (1858), а также ряд очерков, составленных им официальных документов и обширная личная переписка писателя (что, во многом, и составило основу книги).

В свою очередь, поездка А.П. Чехова на Сахалин, фактически, также была частью кругосветного путешествия писателя [1, 2]. Маршрут чеховского путешествия, которое началось в апреле и закончилось в декабре 1890 г., — европейская Россия, Урал, Сибирь, Дальний Восток, г. Айгун (Китай), о. Сахалин, Владивосток, Сингапур (английская колония в Китае), Коломбо (о. Цейлон, Индия), Кэнди (о. Цейлон, Индия), Порт-Саид (Африка), Одесса. Передвигается при этом Чехов по Волге, Каме, Оби, Амуру, Татарскому проливу, Индийскому океану, Японскому, Красному, Средиземному, Мраморному, Чёрному морю. Впечатления об этой поездке вошли в цикл очерков «Из Сибири» (1890), книгу «Остров Сахалин» (1894) и многочисленные письма писателя.

На определённые соответствия между «Из Сибири» и «Островом Сахалином», с одной стороны, и «Фрегатом “Паллада”», с другой, достаточно часто указывается в чеховедении (в том числе, на тот очевидный факт, что Чехов был хорошо знаком с книгой Гончарова) [2, 3, 4, 5, др.].

Однако до сих пор гончаровский и чеховский образы Сибири на рассматривались и не соотносились между собой как сформированные достаточно специфическим контекстом кругосветных путешествий. Этот контекст позволяет описать не только «внутренний» образ края, сибирское пространство как таковое, взятое само по себе, что, в особенности по отношению к Чехову, осуществлялось уже многократно [4, 5, 7, 8, 9, др.], но обозначить место Сибири в мировом и российском пространстве с точки зрения двух русских писателей второй половины XIX в.

Ещё одной важной общей особенностью этих двух описаний Сибири, кроме их «кругосветности», является то, что оба писателя посетили Сибирь как свободные люди, что для России XIX в. было не очень характерно: подавляющее большинство россиян в эту эпоху оказывалось в Сибири насильно, и поэтому она представляла, прежде всего, как страна «каторги» [10] и «ссылки» — в том числе, и в мировом пространстве [11].

Общая установка на описание путешествия обусловила и общую художественную природу «Фрегата “Паллада”», «Из Сибири» и «Острова Сахалин» — это травелоги, тексты документального, очеркового характера и типа (несмотря на то, что степень субъективности описания в них, конечно же, разная).

В этом корпусе текстов двух путешествий собственно Сибири посвящён 2 том «Фрегата “Паллада”» («Обратный путь через Сибирь», «Из Якутска», «До Иркутска» [12, т. 2, с. 628-711]) и очерки «Из Сибири» [13, т. 14-15, с. 7-38].

Специальный сопоставительный анализ указанных произведений позволяет утверждать, что положение и «рас-положение» Сибири в мировом и российском пространстве у Гончарова и Чехова качественно различны между собой, в конечном счёте, диаметрально противоположны. Если говорить предельно кратко, то Сибирь во «Фрегате “Паллада”» — это «чужое» пространство, подобное Сингапуру, Гонконгу, Японии и пр., а в очерках «Из Сибири» — это пространство «своё», актуализирующее общероссийские насущные вопросы и проблемы.

Можно предположить, что эта принципиальная разница обусловлена, прежде всего, самими маршрутами путешествий двух писателей. Путешествие Гончарова начинается в Англии и завершается сухопутной поездкой по Сибири. Чехов движется в прямо противоположном направлении, и его путешествие Сибирью только начинается. Так Сибирь у Гончарова встраивается в общий ряд его экзотических впечатлений, а у Чехова она является только началом его поездки из центральной России на Дальний Восток.

Эти маршруты нашли самое непосредственное отражение в структуре «Фрегата “Паллада”» и «Из Сибири».

Текст «Фрегата “Паллада”» начинается фиксацией определённых социокультурных особенностей Англии и Гонконга как её колонии и сразу же обозначает «всемирный» контекст — не только Англия и Гонконг, но и Дания, Пруссия, Швеция, моря и океаны, полушария, наконец:

Меня удивляет, как могли вы не получить моего первого письма из Англии, от 2/14 ноября 1852 года, и второго из Гонконга, именно из мест, где об участии письма заботятся, как о судьбе новорождённого младенца. В Англии и её колониях письмо есть заветный предмет, который проходит чрез тысячи рук, по железным и другим дорогам, по океанам, из полушария в полушарие, и находит неминуемо того, к кому послано, если только он жив, и так же неминуемо возвращается, откуда послано, если он умер или сам воротился туда же. Не затерялись ли письма на материке, в датских или прусских владениях? Но теперь поздно производить следствие о таких пустяках: лучше вновь написать, если только это нужно... Вы спрашиваете подробностей моего знакомства с морем, с моряками, с берегами Дании и Швеции, с Англией? [12. Т. 2. С. 7].

Заканчивается «Фрегата “Паллада”» тем, что повествователь подъезжает к Иркутску:

Слава Богу! всё стало походить на Россию: являются частые селения, деревеньки, Лена течёт излучинами, и ямщики, чтоб не огибать их, едут через мыски и заимки, как называ-

ют небольшие слободки. В деревнях по улице бродят лошади: они или заигрывают с нашими лошадьми, или, испуганные звуком колокольчиков, мчатся что есть мочи, вместе с рыжим поросёнком, в сторону. Летают воробьи и грачи, поют петухи, мальчишки свищут, машут на проезжающую тройку, и дым отечества столбом идёт вертикально из множества труб — дым отечества! Всем знакомые картины Руси! [12, т. 2, с. 709-710].

Но это — самые последние страницы книги Гончарова. Как только «всё стало походить на Россию» и появился «дым отечества», описание путешествия заканчивается. В финале «Фрегата “Паллада”» повествователь въезжает в Иркутск — в эту эпоху, в сущности, первый в Восточной Сибири собственно русский город, город бесспорно русской культуры, и показательно то, что любое, пусть самое минимальное, его описание в книге Гончарова отсутствует:

В самую заутреню Рождества Христова я въехал в город <...> Вот уж третий день я здесь, а Иркутска не видал. Теперь уже — до свидания [12, т. 2, с. 711].

Начало чеховских очерков «Из Сибири», на первый взгляд, организовано противопоставлением России и Сибири:

— Отчего у вас в Сибири так холодно?

— Богу так угодно! — отвечает возница.

Да, уже май, в России зеленеют леса и заливаются соловьи, на юге давно уже цветут акация и сирень, а здесь, по дороге от Тюмени до Томска, земля бурая, леса голые, на озёрах матовый Лед, на берегах и в оврагах лежит ещё снег ...

<...>

Обгоняем две кибитки и толпу мужиков и баб. Это переселенцы.

— Из какой губернии?

— Из Курской [13, т. 14-15, т. 7].

Но после подчёркнутого противопоставления российского и сибирского климата первая социокультурная реалья, изображаемая Чеховым в очерках, — это переселенцы в Сибирь из Курской губернии, переселенчество как важнейшее и актуальнейшее общероссийское социально-политическое явление 1880-1890-х гг. Да и в первом прямом слове сибиряка, введённом в текст очерка на фоне суровой и скудной сибирской природы, звучит то истинное христианское смирение перед Божией волей, которое заставляет вспомнить знаменитое тютчевское описание России (и которое вряд ли было бы уместным в контексте «всемирного» начала «Фрегата “Паллада”»):

Эти бедные селенья,
Эта русская природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удручённый ношей крестной,
Всю тебя, моя родная,
В рабском виде царь небесный,
Исходил, благословляя [1, с. 258].

В финале последнего IX-ого очерка «Из Сибири» Чехов, описывая кузнеца, починавшего его тарантас, обращается к теме таланта:

<...> явился ко мне на станцию худощавый бледный человек с нервными движениями, по всем приметам, талант и большой пьяница. Как хороший врач-практик, которому скучно лечить неинтересную болезнь, он мельком и нехотя оглядел мой тарантас, коротко и ясно поставил диагноз <...> [13, т. 14-15, с. 37-38].

И — окончание чеховского описания сибирского путешествия:

<...> сказали «Спасибо» и потащили тарантас к станции, завидуя, вероятно, таланту, который и в тайге так же знает себе цену и так же деспотичен, как и у нас в больших городах [13, т. 14-15, с. 38].

Сибирский кузнец в описании Чехова абсолютно соотносим с врачом-профессионалом, которым, кстати сказать, был и сам писатель, а сибирская тайга и российские города объединяются темой человеческого таланта. Между «тайгой» и «большими городами» России в самом финале «Из Сибири» поставлен, фактически, знак равенства.

Безусловно, важной причиной, обусловившей сущностную разницу между образами Сибири Гончарова и Чехова, был значительный временной разрыв между их путешествиями — 35 лет. Между Сибирью двух эпох, 1850-х гг. и 1890 г., объективно существовали значительные исторические различия, обусловленные процессами качественно нового уровня освоения сибирского края, начавшиеся в пореформенный период (то же самое переселенческое движение и мн. др.). Думается, с проблематикой двух принципиально различных эпох определённым образом соотносятся и разные личные позиции Гончарова и Чехова как сибирских путешественников. Поездка Гончарова, в конечном счёте, — это путешествие «по казённой надобности» [15, т. 4, с. 235] в качестве секретаря адмирала графа Е.В. Путятина (1803-1883). Чехов отправился через Сибирь на Сахалин и далее исключительно и принципиально как частное лицо: «Я сам себя командую» [13, т. 4, с. 29].

Комплекс этих причин (вероятно, были ещё какие-то другие) обусловил совершенно разную «оптику» взгляда Гончарова и Чехова на Сибирь и человека Сибири.

Непосредственной задачей экспедиции, возглавляемой Е.В. Путятиным, было установление дипломатических отношений с Японией, которая до этого времени занимала в мировом пространстве и в мировой политике позицию самоизоляции. Эта официальная цель была достигнута, и её политический успех был тем более значителен, что Россия конкурировала здесь с Северо-Американскими Соединёнными Штатами (тогда — САСШ), также направившими в это время в Японию свою эскадру и также стремящимся к политическому присутствию в Тихом океане. Однако более сложной и более долгосрочной задачей экспедиции Е. В. Путятина было общее укрепление позиций России на Востоке, в азиатско-тихоокеанском регионе, где в этот исторический момент, безусловно, доминировали политические и экономические интересы Великобритании.

Официальные задачи и общий пафос экспедиции Гончаров полностью разделял — причём не только как секретарь графа Е.В. Путятина, что было совершенно закономерно, но, думается, и как автор-повествователь «Фрегата “Паллада”». Не случайно книга сразу же начинается проблематикой Англии и её восточных колоний:

«Меня удивляет, как могли вы не получить моего первого письма из Англии, от 2/14 ноября 1852 года, и второго из Гонконга <...> В Англии и её колониях <...>».

Колониальная деятельность Великобритании, САСШ, других европейских стран на Востоке, во всех её различных политических, экономических, социокультурных аспектах, — одна из ведущих тем «Фрегата “Паллада”». Это недвусмысленно заявлено уже в первой главе книги «От Кронштадта до мыса Лизарда», в которой Гончаров, обстоятельно и развёрнуто формулируя цели и задачи своего травелога, фактически, задаёт его основные темы и проблемы. Значительное место здесь занимает именно проблематика и образ английского и, шире, западного колонизатора:

И какой это образ! Не блистающий красотой, не с атрибутами силы, не с искрой демонского огня в глазах, не с мечом, не в короне, а просто в чёрном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках. Но образ этот властвует в мире над умами и страстями. Он всюду: я видел его в Англии — на улице, за прилавком магазина, в законодательной палате, на бирже <...> Я писал вам, как мы, гонимые бурным ветром, дрожа от северного холода, пробежали мимо берегов Европы, как в первый раз пал на нас у подошвы гор Мадеры ласковый луч солнца <...>. Радостно вскочили мы на цветущий берег, под олеандры. Я сделал шаг и остановился в недоумении, в огорчении: как, и под этим небом, среди ярко блещущих красок моря зелени... стояли три знакомые образа в чёрном платье, в круглых шляпах! Они, опираясь на зонтики, повелительно смотрели своими синими глазами на море, на корабли и на воздымавшуюся над их головами и поросшую виноградниками гору. Я шёл по горе; под портиками, между фестонами виноградной зелени, мелькал тот же образ; холодным и строгим взглядом следил он, как толпы смуглых жителей юга добывали, обливаясь потом, драгоценный сок своей почвы, как катили бочки к берегу и усылали вдаль, получая за это от повелителей право есть хлеб своей земли. В океане, в мгновенных встречах, тот же образ виден был на палубе кораблей, насвистывающий сквозь зубы: «Rule, Britannia. upon the sea». Я видел его на песках Африки, следящего за работой негров, на плантациях Индии и Китая, среди туков чаю, взглядом и словом, на своём родном языке, повелевающего народами, кораблями, пушками, двигающего необъятными естественными силами природы... Везде и всюду этот образ английского купца носится над стихиями, над трудом человека, торжествует над природой! [12, т. 2, с. 15-16].

Здесь же, в первой главе, Гончаров также принципиально заявляет о том, «<...> что искомый результат путешествия — это параллель между чужим и своим»:

Виноват: перед глазами всё ещё мелькают родные и знакомые крыши, окна, лица, обычаи. Увижу новое, чужое и сейчас в уме прикину на свой аршин. Я ведь уж сказал вам, что искомый результат путешествия — это параллель между чужим и своим. Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоют её! [12, т. 2, с. 66-67].

Поэтому, в частности, «параллель между чужим и своим» опытом колонизаторской деятельности России на Востоке для Гончарова была очень актуальна.

Именно в этом контексте и формируется его образ и его восприятие Сибири как восточного пространства, успешно и плодотворно колонизируемого Россией. «Сибирь как колония» — в самом лучшем, в отличие от областника Н.М. Ядринцева [16], смысле этого слова.

Поэтому в центре его изображения — коренные народы Сибири и своеобразная экзотика их внешности и образа жизни; например:

Тунгусы — охотники, оленные промышленники и ямщики. Они возят зимой на оленях <...> здесь езда на оленях даже опасна, потому что Мая становится неровно, с полыньями, да, кроме того, олени падают во множестве, не выдерживая гоньбы. Печальный, пустынный и скудный край! Как ни пробуют, хлеб всё плохо родится. Дальше, к Якутску, говорят, лучше: и население гуще, и хлеб богаче, порядка и труда больше <...>

Якуты — народ с широкими скулами, с маленькими глазами, таким же носом; бороду выщипывает; смуглый и с чёрными волосами. Они, должно быть, южного происхождения и родня каким-нибудь манджурам [12, т. 2, с. 651].

Преимущественно внимание к коренным народам Сибири как к истинным сибирякам влечёт за собой в книге Гончарова проблематику их просвещения, описание цивилизаторской деятельности России в Сибири. Если деятельность западных стран на Востоке он описывает как колонизаторскую, роль и функцию России в Сибири он представляет исключительно как благотворно цивилизаторскую. Не случайно в главу «Из Якутска» вошла жёсткая полемика с противниками просвещения коренных сибирских народов, направленная, в частности, против книги М.М. Геденшторма (1780-1845) «Отрывки о Сибири» [17]:

Другими словами: просвещённые люди! не ходите к якутам: вы их развратите! Какой чужак этот автор! [12, т. 2, с. 696].

Здесь же Гончаров формулирует своё представление о том, в чем состоит просвещение коренного сибиряка:

Просвещение якута состоит в том, чтоб приучить его к земледелию, к скотоводству, к торговле; всё это и делается. Нужды нет, что он живёт в пустыне, просвещение находит средство справиться и с пустыней. Думали же прежде, что здесь не родится хлеб; а принялись с уменьем и любовью к делу — и вышло, что родится. Вот теперь разводят овец [12, т. 2, с. 695].

Но базовым, основным условием просвещения коренных народов Сибири Гончаров считает их христианизацию и с восхищением описывает миссионерскую деятельность православных священников в Сибири и их труды по переводу Нового завета на местные языки, а также по их изучению и описанию:

Кроме якутского языка Евангелие окончено переводом на тунгусский язык, который, говорят, сходен с манчжурским, как якутский с татарским. Составлена, как я слышал, и грамматика тунгусского языка, все духовными лицами [12, т. 2, с. 689].

Представление о сибиряках преимущественно как о коренных народах края было достаточно необычно для русской литературы XIX в., в которой Сибирь была населена, в первую очередь, выходцами из России, насильно отправленными в эту страну «каторги и ссылки».

У Гончарова же подобное восприятие Сибири, фактически, отсутствует. Вынужденный как-то объяснить присутствие здесь русских поселенцев, Гончаров туманно упоминает о совершенных ими «проступках»:

Кто эти поселенцы? Русские. Они вызываются или переводятся за проступки из-за Байкала или с Лены и селятся по несколько семейств на новых местах [12, т. 2, с. 683].

Вся колоссальная тема преступления и наказания, связанная с Сибирью, у Гончарова сводится к некоему «проступку».

В свою очередь, у Чехова эта проблематика играет важную роль.

Как уже было отчасти показано выше, автор-повествователь «Из Сибири» иногда склонен не только поставить знак равенства между Россией и Сибирью, но, возможно, даже и отождествить самого себя с сибиряком, хотя бы отчасти:

<...> явился ко мне на станцию худощавый бледный человек с нервными движениями, по всем приметам, талант и большой пьяница. Как хороший врач-практик, которому скучно лечить неинтересную болезнь, он мельком и нехотя оглядел мой тарантас, коротко и ясно поставил диагноз <...> сказали «Спасибо» и потащили тарантас к станции, завидуя, вероятно, таланту, который и в тайге так же знает себе цену и так же деспотичен, как и у нас в больших городах.

При этом в сибирских очерках Чехова есть случай самого прямого и непосредственного отождествления автора-повествователя с сибиряками — и это «интеллигентные ссыльные», пожизненно сосланные в Сибирь.

Начало VII-ого очерка:

Я не люблю, когда интеллигентный ссыльный стоит у окна и молча глядит на крышу соседнего дома. О чем он думает в это время? Не люблю, когда он разговаривает со мною о пустяках и при этом смотрит мне в лицо с таким выражением, как будто хочет сказать: «Ты вернёшься домой, а я нет». Не люблю потому, что в это время мне бесконечно жаль его [13, т.14-15, с. 24].

Здесь же Чехов поясняет читателю, почему российскому ссылкеному никогда не вернуться из Сибири:

<...> ссылка на поселение страшна именно своею пожизненностью; <...> лишение прав почти во всех случаях носит пожизненный характер [13, т. 14-15, с. 25].

И далее:

<...> пожизненность, сознание, что надежда на лучшее невозможна, что во мне гражданин умер навеки, и что никакие мои личные усилия не воскресят его во мне, позволяют думать, что смертная казнь в Европе и у нас не отменена, а только облечена в другую, менее отвратительную для человеческого чувства форму [13, т.14-15, с. 27].

Изначально противопоставив себя ссылкеному как свободного человека, на самом деле, Чехов говорит о его пожизненном пребывании в Сибири как о своей собственной судьбе, используя первое лицо: «во мне», «мои личные», «во мне»...

Очевидно, что эта проблематика связана с его поездкой на «каторжный остров». Но подобные сибирские самоотжествления Чехова представляются репрезентативными и в контексте его кругосветного путешествия в целом. Думается, в VII-ом очерке выразился общий принцип чеховского отношения к Сибири и организации травелога о ней: зачастую начиная с противопоставления российского и сибирского, в конечном счёте, он пишет о Сибири как о «моем личном», о «своём».

Показательно, в этом смысле, сравнить гончаровские и чеховские описания сибирских городов.

На протяжении всего сухопутного передвижения Чехова по евро-азиатскому континенту рефреном звучат слова о том, что все «города одинаковы»:

В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч [13, т. 4, с. 72]; Томска описывать не буду. В России все города одинаковы» [13, т. 4, с. 94]; и пр.

И только оказавшись на море, Чехов наконец-то напишет:

<...> мало-помалу вступаю в фантастический мир [13, т. 4, с. 129].

Для Чехова «фантастика» началась только за пределами Сибири — и за пределами текста очерков «Из Сибири».

Единственный же подробно описанный в сибирских главах Гончарова город — Якутск — предстаёт именно «фантастическим» и экзотическим:

Где это видано на Руси, чтоб не было ни одного садика и палисадника, чтоб зелень, если не яблонь и груш, так хоть берёз и акаций, не осеняла домов и заборов? А этот узкоглазый, плосконосый народ разве русский? Когда я ехал по дороге к городу, мне попадались навстречу якуты, якутки на волах, на лошадях, в телегах и верхом <...> Нужды нет, что якуты населяют город, а всё же мне стало отраднo, когда я въехал в кучу почерневших от времени, одноэтажных, деревянных домов: всё-таки это Русь, хотя и сибирская Русь! У ней есть много особенностей как в природе, так и в людских нравах, обычаях, отчасти, как вы видите, в языке, что и образует ей свою коренную, немного суровую, но величавую физиономию <...>. Много и русского и нерусского, что со временем будет тоже русское [12, т. 2, с. 671-674].

«Сибирская Русь» Якутска у Гончарова — это некое особое социокультурное явление, которое только «со временем будет тоже русское». В этом и состоит принципиальная разница между позициями Чехова и Гончарова как авторами травелогов о кругосветных путешествиях: образ Сибири во «Фрегате “Паллада”» — это «чужой» мир, который России, по примеру

других западных стран на Востоке, ещё только надлежит эффективно колонизировать и цивилизовать. Проблематика колонизации Сибири совершенно чужда Чехову; цивилизационное же развитие Сибири он описывает не как нечто, привнесённое извне, но как процесс её собственного внутреннего развития. Наиболее ярко это проявилось в его описании Красноярска:

Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея <...> На этом берегу Красноярск, самый лучший и самый красивый из всех сибирских городов, а на том — горы, напомнившие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные. Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега! [13, т.14-15, с. 35-36].

В целом, представляется, что, создавая, в контексте своих травелогов о кругосветных путешествиях образ Сибири как «чужого» или как «своего» социокультурного пространства, Гончаров и Чехов воспринимали её, соответственно, в общемировом контексте историко-культурного и цивилизационного развития либо как объект, либо как субъект.

Литература

1. Новикова Е.Г. Кругосветное путешествие А.П. Чехова как поездка на Сахалин: позиция писателя // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2012. № 3 (19). С. 75-81.
2. Новикова Е.Г. Томск в кругосветном путешествии А.П. Чехова // Чехов и время: сб. статей / ред. Е.Г. Новикова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 295-310. (Русская классика: Исследования и материалы; вып. 7).
3. Мироманов Г.И. Сахалин в творчестве Чехова // Сибирь и Сахалин в биографии и творчестве А.П. Чехова: сб. науч. ст. Южно-Сахалинск: Дальневосточное кн. изд., Сахалинское отделение, 1993. С. 77-90.
4. Собенников А.С. Миф о Сибири в творчестве А.П. Чехова («Очерки из Сибири» // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: науч. докл. Иркутск, 2004. С. 279-287.
5. Шишпаренок Е.В. Творчество А.П. Чехова в контексте сибирского мифа: автореф. дис. ... канд. филол. н. Красноярск, 2010.
6. Сибирь и Сахалин в биографии и творчестве А.П. Чехова: сб. науч. ст. Южно-Сахалинск: Дальневосточное кн. изд., Сахалинское отделение, 1993.
7. Сухих И.Н. «Остров Сахалин» в творчестве Чехова // Русская литература. 1985. № 3. С. 72-84.
8. Кубасов А.В. Ментальное пространство сибиряков в очерковом цикле А.П. Чехова «Из Сибири» // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск, 2010. С. 70-84.
9. Анисимов К.В. Сибирско-сахалинский травелог А.П. Чехова в истории художественного «воображения» Зауралья: между природой и обществом // Чехов и время: сб. статей / ред. Е.Г. Новикова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 246-260. (Русская классика: Исследования и материалы; вып. 7).
10. Максимов С.В. Сибирь и каторга: в 3 ч. СПб, 1871.
11. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Лондон, 1890.
12. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997 — издание продолжается.
13. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974-1982.
14. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Л.: Сов. писатель (Библиотека поэта. Малая серия. Второе изд.), 1953.
15. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. Изд. второе, испр. и доп. Л.: Наука, 1980-1981.
16. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб, 1882.
17. Геденшторм М.М. Отрывки о Сибири. СПб, 1830.